

Статья И. С. Дуйчева «Центры византийско-славянского общения и сотрудничества», непосредственно не посвященная данной теме, имеет тем не менее методологически важное значение для решения вопросов межславянских литературных связей. На обширном фактическом материале автор показал, что нельзя рассматривать византийско-славянские культурные и литературные взаимоотношения только с точки зрения одностороннего влияния Византии на славянство. Как южные, так и восточные славяне играли весьма значительную роль в формировании той культуры, которую мы называем византийской. «Византийская культура во многих отношениях составляет существенную часть средневековой истории южных и восточных славян, которые приняли участие в ее создании и развитии как в пределах империи, так и в своих собственных землях, попавших в сферу византийской культурной общности».⁴ В монастырях Константинополя, Солуни, Святой Горы, являвшихся культурными центрами той поры, славяне, как южные, так и восточные, и представители греческого духовенства «обменивались друг с другом своими литературными произведениями или же переводили произведения византийской литературы»;⁵ «Афон всю эпоху средневековья, а также и в более поздние века турецкого владычества был центром оживленной литературной деятельности известных и неизвестных славянских писателей, которые работали здесь в тесном сотрудничестве друг с другом и с представителями византийской культуры».⁶ Таким образом, мы, по существу, не в праве говорить о влиянии одной славянской литературы на другую: в таких центрах культурного общения, как Константинополь, монастыри Афона, где подолгу жили многие писатели средневековой Руси и южнославянских стран, формировались какие-то общие философские, лингвистические, стилистические взгляды, каноны и требования. Эти общие идеи, созданные в тесном сотрудничестве представителей разных славянских народов, на национальной почве находили самобытное преломление.

В. А. Мошин, считающий, что Д. С. Лихачев связывает происхождение нового южнославянского агиографического стиля только с Болгарией и в первую очередь с именем патриарха Евфимия,⁷ замечает: «Нам это представление кажется в значительной мере односторонним. Прежде всего потому, что именно для XIII и XIV вв. наиболее характерной чертой в области южнославянской письменности является чрезвычайно близкая связь между сербской и болгарской культурной жизнью... Сами основатели болгарской филологическо-реформаторской школы — патриарх Евфимий и его учитель Феодосий Тырновский — были по своему воспитанию святогорцы, т. е. жили и трудились в кругу тех же философских и религиозных идей, а конечно, и литературных концепций, как и остальное святогорское монашество, в частности как хиландарская литературная школа той эпохи, деятельность которой нам неизмеримо более известна, нежели литературные труды в стенах болгарского Зографа».⁸

Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962 (далее: Д. С. Лихачев. Культура Руси); В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 5—27; В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963 (далее: В. А. Мошин), стр. 28—106; И. С. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963 (далее: И. С. Дуйчев), стр. 107—129.

⁴ И. С. Дуйчев, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 117.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ В. А. Мошин, стр. 93.

⁸ Там же.